

Священник Максим Обухов

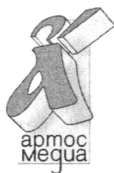
О ГРЕХЕ АБОРТА

Священник Максим Обухов

О ГРЕХЕ АБОРТА

Москва

2009

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-26

Настоящий сборник подготовлен при информационной
поддержке
Православного медико-просветительского центра — «Жизнь»,
действующего по благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

Обухов М

О-26 О грехе аборта : сборник статей / Священник Максим
Обухов. – М. : Артос-Медиа, 2009. – 94 с.
ISBN 978-5-9946-0038-2

В сборник включены материалы, показывающие
аборты как комплексную проблему: медицинскую,
экономическую, политическую и, самое главное, –
духовную.

Доказывается с научной точки зрения истинность
христианского взгляда на аборт как на убийство.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2 Рос= Рус)6-44

ISBN 978-5-9946-0038-2

© Священник Максим Обухов, 2009
© Православный медико-
просветительский центр «Жизнь», 2009
© Оформление. Издательство «Артос-
Медиа», 2009

Предисловие редактора

Я хорошо помню тот сон, приснившийся тридцать лет назад...

Последние дни мая. За окнами всё в буйном цветении и яркой молодой зелени. Там тепло и радостно, а здесь, в больничной палате, куда меня только что привезли из операционной на каталке, тихо и скорбно. Выгрузили. Положили на кровать. Медсестра привычным жестом бросила холодный пузырь на низ живота, сказала, что нельзя спать, но я тут же уснула. Вскоре меня разбудили, и первое, что, обливаясь слезами, я сумела выдать из себя сквозь рыдания, было:

— Я потеряла её... потеряла доченьку...

Врач, молодой красивый армянин, разбудивший меня, на те слова не отреагировал, лишь, профессионально осмотрев и скоренько поинтересовавшись, как самочувствие, перешел к следующей кровати.

А сон был такой. Я шла по городу, похожему на каменный мешок. Дома серые и высокие. Ни травинки, ни деревца. Сплошь тяжелый по ощущениям камень. На руках я несла маленькую-маленькую девочку. Рядом держалась за подол ещё одна, имя которой, я точно знала, Наташа. Годовалая дочка. Мы шли по этому тесному городу, и вдруг малышка с рук исчезла. Я бегала по пустым улицам, звала её, плакала...

Уже знакомая с подобной процедурой, я тогда впервые чётко и воочию прочувствовала, что же произошло со мной на самом деле. Позднее остроту возникших чувств попыталась объяснить себе тем, что это последствия недавнего наркоза и что дома осталась маленькая дочка, о которой все переживания. Ведь оправдаться всегда хочется; только вот реальность той потери осталась в глубине души навсегда.

Однако по-настоящему боль, стыд, горечь пришли и осознались позднее. Почти ровно через десять лет, когда у меня уже подрастал сынок — третий мой ребенок, и когда я стала воцерковляться.

И вновь это был май. Я работала в редакции одной из газет, когда молодой монах Даниловского

монастыря (тогда ещё единственного в Москве) отец Петр (Пиголь) дал мне, с надеждой попробовать опубликовать, текст доклада греческого митрополита Мелентия Никопольского, прочитанного им в Священном Синоде 10 января 1986 года.

И с первых же строк слова владыки оглушили:

«... Мы пережили эпоху бурного и напряженного всеобщего отрицания. Отовсюду раздавались призывы: «Долой старое! Долой установления! Долой государство! Долой религию! Долой Церковь! Долой долг! Долой всё! Долой все старые критерии!»

Теперь презирается даже достойная жизнь. Человека лишают его высочайшего достоинства и определяют как «кусоч мяса». И так называемая «мать» хладнокровно убивает человеческий зародыш под аморальным предлогом того, что имеет право распоряжаться своим телом как хочет...»

Дальше — больше:

«Аборты делались всегда, ещё с древних времен... Но раньше любые действия по прерыванию уже начавшейся беременности считались недозволенными. Эмбрион, зародыш всегда считался сформировавшимся человеком. Искусственное прерывание беременности, аборт, было и явным преступлением, убийством, человекоубийством. Сознание людей не делало различия между зрелым человеком и эмбрионом.

Ранее по поводу абортов вопросы нравственного порядка не возникали. Прерывание беременности,

каким бы способом оно ни производилось, считалось гнусным преступлением. Поэтому в клятве Гиппократы, которая и до нашего времени считается клятвой всех медиков, врач, слуга жизни, исповедует перед Богом и людьми: «Да не позволю женщине впасть в порчу».

В наше время подобное уже кажется смешным».

Тем скорбным днем врач, как вспомнилось, привычно осмотрев всех нас, грешных, на пороге большой палаты бросил даже что-то ободряюще-веселенькое и ушел.

К вечеру женская, притихшая было от перенесенной боли публика ожила, оживилась, а утром суетливым гуртом, после осмотра вчерашним врачом, покинула через дальний выход роддом.

Навстречу нам на покинутое нами место приходили новенькие...

Конвейер работал бесперебойно...

Всё больше вчитываясь в текст, я отчетливо начинала понимать, что нет мне ни оправдания, ни прощения...

«Фильм, который называется «Безмолвный крик», доказывает, что зародыш предчувствует угрозу со стороны инструмента, которым производится аборт. Он чувствует опасность и выражает это тем, что двигается быстро и тревожно, что при этом учащаются удары его сердца со 140 до 200 ударов, что эмбрион открывает широко рот, как во время безмолвного крика...

В 7 недель (50 дней) у ещё не рожденного ребенка фиксируются мозговые импульсы, а это является для науки основным для определения того, жив человек или мертв. Маленький человек имеет полностью сформированные внешние и внутренние органы. Он имеет главное — губы, язык...»

Дышать было нечем. Было больно, горько, стыдно. И впервые пришло настоящее ощущение себя убийцей. До этого же всегда было лукавое объяснение самой себе, что там только клеточка, что там ещё нет дитя, вот и с жильем проблемы, да и учусь ещё... и так до бесконечности сплошь одни оправдания. А тут впервые пришел страх Господень — не абстрактный и, как любая абстракция, малопонятный, а уничтожающий всё существо, пронзающий насквозь...

Я прорыдала всю ночь напролёт, а на следующий день предложила доклад митрополита Мелентия для газеты «Московский строитель». Главный редактор меня поддержала, и материал под названием «Безмолвный крик» в конце мае 1990 г. вышел, как тематический, ко Всемирному дню защиты детей, постоянно отмечаемый в стране 1 июня.

В небольшом редакционном вступлении я писала:

«Обращаемся к тем, у кого ещё жива совесть и ум способен трезво мыслить. Давайте проанализируем следующие факты: СССР — страна с наибольшим в мире количеством аборт на душу населения. Ка-

ждый четвертый аборт в мире — советский, а если учесть, что среди среднеазиатских женщин они редки, то ясно: эпидемией детоубийства заражены Россия, Украина, Белоруссия, Прибалтика, Молдавия.

Ежегодно в нашей стране матерями во чреве (по официальной статистике) убивается 8 млн. человек, что почти равно населению Москвы, а на самом деле много больше. В центральных областях России давно уже смертность выше рождаемости. Мы вымираем!

Общественное мнение, руководимое средствами массовой информации, осуждает матерей, бросающих своих детей. А матерей-убийц поощряет».

Когда я готовила текст к публикации, мной двигало искреннее желание — помочь хотя бы одной из женщин, которая пришла к преступной мысли убить своего неродившегося ребенка, успеть предостеречь её. Хотя бы одной из них — не повторить моей ошибки... Хочется верить, что так и было. Но я точно знаю, что своим дочерям сумела вложить понятие о греховности аборта, и они, слава Богу, не знают, что это такое: у одной на сегодня растет шестеро детей, у другой — трое.

С той публикации прошло почти двадцать лет. Что же изменилось с тех пор? Практически ничего! Разве что называемая цифра убиваемых за год младенцев уменьшилась вдвое, но почти вдвое же уменьшилась и наша великая страна, да Москва по

количеству населения увеличилась до невероятных размеров, став государством в государстве. Этой горькой теме, безусловно, стало больше уделяться внимания. Об этом пишется, публично говорится. Вот и фильм «Безмолвный крик», при желании, можно посмотреть через Интернет. Однако сопротивление понятию, что аборт — это реальное убийство, кажется, только нарастает. И вот уже появляется лукавое определение «аборт по социальным показателям», когда решение о прерывании беременности можно принимать даже в поздние сроки. Только вот оправдания не будет никогда ни тому, кто якобы — мать, ни тому, кто якобы — врач!

Этот текст я пишу урывками, в минуты, когда маленькая пятимесячная внучка спит. Я смотрю на безмятежно спящую малышку, а мысль о том, чтобы ни она, ни другие мои внучечки никогда не узнали в своей взрослой жизни, что это такое — аборт, пронзает всё моё существо. Мысль сокровенная и страстная!

Только вот мне самой уже никогда-никогда не оправдаться перед Господом... и остается только жить надеждой на милость Его...

Анна Козырева

НЕ ОПРАВДАТЬСЯ...

*О грехе убийства нерожденных детей и о том,
как этому противостоять*

За последние пятнадцать лет теме аборт в печати посвящено большое количество статей, и, казалось бы, она уже и не требует широкого обсуждения, однако это далеко не так. Чаше всего, как показывает практика, столь скорбной теме уделяется внимание в православной печати, а в так называемой светской правда об узаконенном детоубийстве давно подменена кривдой. А что такое есть искусственный выкидыш (слово «аборт» по латыни и означает «выкидыш») как не убийство, причем хладнокровное и вполне осознанное?

И как бы ни называли это действие: прерыванием беременности (почти по-медицински), плодоизгнанием или вытравливанием плода (выражение, близкое к медицине тайной и подпольной), — все это есть самое обыкновенное убийство нерожденного ребенка до 28 недель, то есть до условного срока жизнеспособности плода вне тела матери. После 28 недель прерывание беременности называется преждевременными, или самопроизвольными, родами, однако в случае искусственного «позднего» аборта этот термин использовать просто кощунственно. На каком бы сроке, раннем или позднем, ни производился аборт — он всеми религиями мира всегда рассматривался и рассматривается лишь как убийство ребенка.

Разве что языческое общество никогда не считало вмешательство в естественный ход беременности за преступление, определяя вполне законно, что «если же у состоящих в супружеском сожитии должен родиться ребенок сверх положенного числа, то следует прибегнуть к аборту прежде, чем у зародыша появится чувственность и жизнь». Но разве могут языческие законы, коими допускалось, например, новорожденную девочку, за ненадобностью, просто убить, впрочем, так же легко позволялось лишать жизни и стариков, когда те становились слабыми и немощны-

ми, — служить нам основанием для подражания? Вот только, как показывает реальность, могут...

Еще древнегреческий врач Гиппократ, живший во вполне языческом, но явно уже стремящемся к формулированию нравственных законов обществе, в своей знаменитой «Клятве» категорически указывал на запрет делать аборты, ибо «не вручу никакой женщине абортивного пессария (средства)». Причем этим отец медицины выражал не только свое личное мнение, но и мнение всего медицинского сообщества того времени. Известно, что врачом он был не в одном поколении: его мать Фенарета слыла отличной повитухой, или, как бы мы сегодня сказали, врачом-акушером.

Отрицательное отношение к абортам как к детоубийству из Древней Греции перешло и в общественную мораль Древнего Рима, также однозначно перенявшему если и не понятие греховности, то веру в неминуемую кару за неблагоприятные поступки. Публий Овидий Назон (43 до н. э. — ок. 18 н. э.), древнеримский поэт, писал в одном из своих произведений:

*Подлинно ль женищинам впрок, что они не участвуют в битвах
И со щитом не идут в грубом солдатском строю,
Если себя без войны они собственным ранят оружием,
Слепо берутся за меч, с жизнью враждуя своей?
Та, что пример подала выбрасывать нежный зародыш,-
Лучше погибла б она в битве с самою собой!
Если бы в древности так матерям поступать полюбилось,*

Сгинул бы с таким злом весь человеческий род!
Снова пришли бы искать того, кто в мире пустынном
Стал бы камень бросать, вновь зачиная людей.
Кто бы Приамову мощь сокрушил, когда бы Фетида,
Моря богиня, свой плод не захотела носить?
Если в тугом животе не оставила б Илия двойню,
Кто бы тогда основал этот властительный Град?
Если б в утробе своей погубила Энея Венера,
То не пришлось бы земле в будущем Цезарей знать.
Так же погибла б и ты, хоть могла уродиться прекрасной,
Если б отважилась мать сделать, что сделала ты.
Сам я, кому умереть от любви предназначено, вовсе
Не родился бы на свет, не пожелай меня мать.
Можно ль незрелую гроздь срывать с лозы виноградной?
Можно ль жестокой рукой плод недоспелый снимать?
Свалятся сами, созрев. Рожденному дай развиваться.
Стоит чуть-чуть потерпеть, если наградою — жизнь.
Что же утробу язвить каким-то особым оружием?
Как нерожденных детей ядом смертельным травить?
Все колхидянку винят, обгавленную кровью младенцев;
Каждого Итиса жаль: мать погубила его.
Матери-звери они. Но у каждой был горестный повод:
Обе мстили мужьям, кровь проливая детей.
Вы же скажите, какой вас Терей иль Ясон побуждает
С дрожью, смущенной рукой тело свое поражать?
Сроду не делали так и в армянских логовах тигры;
Разве решится сгубить львица потомство свое?
Женщины ж этим грешат, хоть нежны, — и ждет их возмездье:
Часто убившая плод женицина гибнет сама, —
Гибнет, — когда же её на костер несут, распустивши
Волосы, каждый в толпе громко кричит: «Поделом!»
Пусть же мои растворятся слова в просторах эфира!
Пусть предсказанья мои станут лишь звуком пустым!
Боги благие, лишь раз без вреда согрешить ей дозвольте...
Но и довольно: потом пусть наказание несет.

Христианская Церковь с первых дней своего существования осуждала аборт как убийство. Так, 21-ое правило Анкирского собора (314 г.) гласит: «Женам, от прелюбодеяния зачавшим и истребившим плод и занимающимся составлением детогубительных отрав, прежним определением было возбранено причащение Святых Тайн до кончины — и по сему и поступают. Изыскивая же нечто более снисходительное, мы определили таковым проходить десятилетнее время покаяния, по установленным степеням».

В VII веке, более чем через триста лет, Шестой Вселенский Собор негативное отношение христианской Церкви к детоубийству подтвердил 91-ым правилом: «Жен, дающих врачевства, производящие недоношения плода во чреве, и приемлющих отравы, плод умерщвляя, подвергаем епитимии человекоубийцы».

Но еще ранее, в VI веке, святой Василий Великий писал: «Умышленно погубившая зачатый во утробе плод подлежит осуждению смертоубийства. Тонкаго различия плода образовавшегося, или еще не образованного, у нас несть. Ибо здесь полагается взыскание не токмо за имевшее родиться, но и за то, что наветовала самой себе: поелику жены, от таковых покушений, весьма часто умирают. С сим совокупляется и погубление плода, яко другое убийство, от дерзающих на сие умышленно. Впрочем, подобает не до

кончины простирати покаяние их, но приимати их в общение, по исполнении десяти лет: врачевание же измеряти не временем, но образом покаяния» (2-ое правило св. Василия Великого). Суров и справедлив святой Василий Великий не только к женщине, «погубившей зачатый во утробе плод», но и к тому, кто в «погублении плода» участвовал, ибо «...дающие врачевство для извержения зачатого в утробе, суть убийцы, равно и приемлющие детоубийственные отравы» (8-ое правило св. Василия Великого).

Во всех христианских странах убийство нерожденных детей на протяжении долгих веков было запрещено законом. Всегда под запретом и осуждением было оно и на Руси. Соборное Уложение, принятое в 1649 г. при государе Алексее Михайловиче, в главе 22 указывало: «...А будет которая жена учнет жити блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей, и тех детей сама, или иной кто по ея велению погубит, а сыщется про то допряма, и таких беззаконных жен, и кто по ея велению детей ея погубит, казнити смертию безо всякия пощады, чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися».

Впрочем, в России, вплоть до прихода к власти большевиков, аборт был крайне редким явлением по причине крайне отрицательного отношения к нему во всех социальных слоях общества.

Осуждение и наказание детоубийц неоднократно повторялись и в последующих нормативных документах: например, в Уголовном кодексе 1832 г. изгнание плода также упоминалось среди видов смертоубийства, а согласно «Уложению о наказаниях» 1885 г., искусственный аборт карался «каторжными работами от 4 до 5 лет, лишением всех прав состояния, ссылкой в Сибирь на поселение».

И хотя однозначно и осуждающе звучит характеристика аборта в известной энциклопедии Брокгауза и Эфрона: «Преступный выкидыш преследуется законами всех цивилизованных стран», — в начале XX столетия вседозволенность, подаваемая просто как право на свободумыслие, начинает свое победное шествие по Европе.

Известно, что впервые в мире искусственный аборт был узаконен в период Французской революции, и хотя разрешительный закон действовал лишь короткое время, с 1791 по 1810 годы, тлетворные идеи, заброшенные в умы разных мастей «прогрессистов», вновь начинают будоражить общественное мнение. В частности, в среде европейских медиков все чаще поднимается тема необходимости легализации абортов и прав женщины на свободный выбор. Тогда же начинают проходить открытые дебаты среди медиков на эту тему и в России.

Одним из первых подобные либеральные взгляды высказываются доктором медицины Шабаром, который свои доказательства основывает на принципах средневекового врача-философа и предтечи будущих схоластиков Маймонида. Доктор Шабар открыто ставит в печати вопрос «о праве матери распоряжаться функцией своего тела». В России, предчувствуя надвигающееся зло, пытаются как-то остановить этот процесс. Так, в 1900 г. доктор Э. Катунский заявляет, что «у акушера нет ни нравственного, ни юридического права производить эмбриотомию (рассечение эмбриона) над живым плодом».

Однако под влиянием набирающего силу либерализма в начале XX века происходит некоторое смягчение мер пресечения детоубийства, и вот уже в Уголовное уложение 1903 г. записывается, что «мать, виновная в умерщвлении своего плода, наказывается заключением в исправительный дом не свыше трех лет, врач — от 1,5 до 6 лет». Тогда же в России впервые разрешаются аборты строго по жизненным показаниям.

В 1913 г. в Москве прошел XII Пироговский съезд, открыто осудивший уголовное наказание матери и врача за аборт, однако очень многие врачи столь прогрессивное постановление съезда не поддержали.

Например, доктор Личкус, выступая на съезде, в противовес высказанному утверждению ска-

зал, что «преступный выкидыш, детоубийство и применение противозачаточных средств — симптомы болезни современного человечества».

Моральные нормы поведения врача, сформулированные в «Клятве Гиппократа» еще в Древней Греции, стали основополагающими для медиков всех времен и народов, и казалось, они будут вечными, незыблемыми, однако сначала их отменила Французская революция, а затем, спустя столетие с небольшим, и советская власть.

Как показывает вся история XX века, симптомы болезни вскоре перешли в стабильную хронику, подкрепленные в России после большевистского Октябрьского переворота даже законодательно декретом от 18 ноября 1920 г. Сразу же после принятия разрешительного указа вышло совместное постановление Наркомздрава и Наркомюста, по которому всем женщинам свободной страны свободно обеспечивалось «бесплатное производство операции по искусственному прерыванию беременности в обстановке советской больницы», при этом ей, свободной женщине, гарантировалась максимальная безвредность. Понятно, что главным является забота о безвредности телесной, а не духовной. Таким образом, Советская Россия стала не только первой страной, где произошла легализация аборта, а, прежде всего, страной, где свободные

дискуссии или даже какой-либо общественный протест против абортов, просто-напросто стали невозможными, зато террор и преследования, учиненные коммунистами — сторонниками абортов против верующих и врачей — противников абортов стали обычным явлением.

Все это скоро приносит свои «плоды» — страна сталкивается с реальной угрозой вымирания, ибо рождаемость заметно падает. И вот в 1936 г. аборт в Советском Союзе запрещается, но уже в 1955 г. вновь разрешаются.

Волна либерализма в отношении искусственного прерывания беременности, самым решительным образом реализованная в первой стране свободы, равенства и братства, сбросившей с себя «рабские путы», в XX столетии захлестнула и весь мир. В 1921 г. в США появляется Американская лига по контролю над рождаемостью. Основательница Лиги Маргарет Зангер в 1922 г. была арестована за организацию подпольного абортария и распространение опасных для здоровья контрацептивов. Однако из тюрьмы она быстро выходит на свободу и самым активным образом занимается распространением своих антигуманных идей по всему миру.

В 1932 г. эта медсестра-недоучка, ярая феминистка и просто беспутная и безнравственная женщина, выступает с так называемым «Мирным планом», в котором ратует за стерилизацию

«неполноценных» и «генетически второсортных рас», с тем чтобы сократить «все расширяющиеся площади биологических отбросов». И нет ничего странного и неожиданного в том, что идеями Зангер о контроле над рождаемостью вдохновляются лидеры фашистской Германии. Как нет ничего неожиданного и в том, что вскоре она вступает в прямое сотрудничество с теми, для которых ее кощунственный тезис «об отделении плевел от зерен» более чем близок. Скоро, очень скоро политика уничтожения неугодных рас на оккупированных славянских территориях начнет внедряться на практике, а аборт — использоваться как прямое средство подавления рождаемости.

Казалось бы, что после того, как по окончании Второй мировой войны факт прямого сотрудничества с фашистами Маргарет Зангер был подтвержден документально, деятельность откровенно антихристианской Лиги должна была бы прекратиться, однако этого не происходит. Просто в 1948 г. Лига меняет свою вывеску и становится Международной федерацией планирования семьи. Главная задача вначале Лиги, а затем МФПС — это, прежде всего, повсеместный контроль рождаемости с помощью распространения и навязывания населению абортов, контрацептивов, стерилизации, внедрения программ сексуального просвещения.

В 1991 году МФПС открыла свое отделение в России, известное как Российская Ассоциация «Планирование семьи». РАПС сразу же начинает свою решительную деятельность, используя для своих целей государственные средства, начинает массово проводить занятия в школах по так называемому «половому воспитанию».

В настоящее время в большинстве стран Европы и Америки, не без участия МФПС, операции по прерыванию беременности на ранних сроках были разрешены, например: в 1946 г. — в Швеции, в 1967 г. — в Великобритании, в 1973 г. — в США, в 1979 г. — во Франции.

БИБЛИЯ И АБОРТ

Хотя слово «аборт» в Библии не встречается ни само, ни в виде его прямых синонимов, именно Священное Писание дает нам вполне ясные и конкретные выводы касательно этого пагубного явления.

Уже в Ветхом Завете есть указание на самопроизвольный аборт, происшедший по чьей-либо вине и однозначно рассматривающийся как преступление: «Когда дерутся люди, и ударят беременную женщину, и она выкинет, но не будет другого вреда, то взять с виновного пеню, какую наложит на него муж той женщины, и он должен заплатить оную при посредниках» (Исх. 21.22).

Аборты существовали в человеческом обществе издревле — о них упоминают, например, Аристотель, Гиппократ, Овидий. Однако, в силу того что в те времена, слава Богу, еще не было столь изощренной техники производства абортов, как сейчас, они оставались явлением крайне редким и, возможно, выражаясь современным языком, блатным. Вероятнее всего, столь изощренным и тайным искусством врачевания владели лишь некоторые из жрецов, которые однозначно «помогали» далеко не простому народу, поэтому чаще всего многие прибегали к такому методу «планирования семьи», как инфантициду, то есть убийству младенца не до, а после рождения.

В наше время на территории древнеизраильского города Аскалона (ныне Ашкелон), расположенного когда-то на большой дороге, связывающей Египет и Сирию, в результате раскопок было найдено здание с вывеской на входе: «Войди и наслаждайся». Уже по самой вывеске понятны суть и характер этого здания в городе, бывшем в древности крупным торговым центром. И вот под этим зданием, в канализационной системе, были найдены останки около ста младенцев, которые, как показала экспертиза, были убиты сразу после рождения.

Не могли об этом не знать и древние израильтяне. Они жили не в вакууме, расселяясь не только среди народов, непосредственно окружавших Па-

лестину, но активно осваивая и широкие территории греко-римской цивилизации. Но одно дело — слышать и знать, и совсем другое — использовать это в своей практике. То, что искусственный, преднамеренный аборт не упоминается ни в Законе, ни пророками, прежде всего, говорит о том, что древнему еврею не могла и в голову прийти идея — уничтожать свое потомство столь чудовищным образом. И если в чем-то иудеи, случалось, отступали от Бога, предаваясь, к примеру, идолопоклонству, то в отношении к потомству древний народ в своей чистоте и преданности не отступал.

Изначально в Библии абсолютно ясно и недвусмысленно прослеживается мысль о том, что жизнь человека начинается не с момента рождения, а с момента зачатия. Уже Исааку наречено было имя прежде его зачатия: «Бог же сказал Аврааму: именно Сарра, жена твоя, родит тебе сына, и ты наречешь ему имя: Исаак; и поставлю завет Мой с ним заветом вечным в том, что Я буду Богом ему и потомству его после него» (Быт. 17.19).

То же самое прочитывается и у пророков. «Так говорит Господь, создавший тебя и образовавший тебя, помогающий тебе от утробы матерней» (Ис. 44.2). «Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя» (Иер. 1.5). «Господь призвал меня от чрева... И ныне говорит Господь, образовавший меня от чрева в раба Себе...» (Ис. 49.1,5.) «Не Он

ли, Который создал меня во чреве, создал и его, и равно образовал нас в утробе?» (Иов 31.15).

Известно то было и царю Давиду: «Ибо ты устроил внутренности мои, и соткал меня во чреве матери моей. Славлю Тебя, потому что я дивно устроен» (Пс. 138:13-14).

Из Евангелия мы знаем, что Иоанну Крестителю, который «Духа Святого исполнится еще от чрева матери своей» (Лк. 1.13,15), имя было дано прежде его рождения,

Во время Благовещения ангел Господень, нарекая имя Богомладенцу прежде Его зачатия от Духа Святого, сообщает Богородице: «И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус» (Лк. 1.31).

Вот и апостол Павел говорит: «Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатию Своею...» (Гал. 1.15.)

Вне всякого сомнения, Библия ясно говорит о том, что жизнь человека начинается с момента зачатия, и, следовательно, аборт, на каком бы сроке он ни производился, является убийством, а заповедь, переданная от Самого Господа Моисеем: «Не убивай» (Втор. 5.17) — относится ко всем людям без исключения, в том числе и к нерожденным детям.

«Если кто ударит кого железным орудием так, что тот умрет, — то он убийца: убийцу должно предать смерти» (Чис. 35.16).

«Человек по злобе своей убивает, но не может возвратить исшедшего духа и не может призвать взятой души. А Твоей руки невозможно избежать» (Прем. 16.14-15).

«Заблуждающихся Ты мало-помалу обличаешь и, напоминая им, в чем они согрешают, вразумляешь, чтобы они, отступив от зла, уверовали в Тебя, Господи. Так, возгнушавшись древними обитателями святой земли Твоей, совершавшими ненавидимые дела волхвований и нечестивые жертвоприношения, и безжалостными убийцами детей, и на жертвенных пирах пожиравшими внутренности человеческой плоти и крови в тайных собраниях, и родителями, убивавшими беспомощные души, — Ты восхотел погубить их руками отцов наших» (Прем. 12.2-6).

«Вы крадете, убиваете и прелюбодействуете, и клянетесь во лжи и кадите Ваалу, и ходите вослед иных богов, которых вы не знаете, и потом приходите и становитесь пред лицом Моим в доме сем, над которым наречено имя Мое, и говорите: «мы спасены», чтобы впредь делать все эти мерзости» (Иер. 7.9,10).

«Не будете проливать невинной крови» (Иер. 7.6).

«Проклят, кто тайно убивает ближнего своего!» (Втор. 27.24.)

Вот что, согласно Священному Писанию, должны делать христиане, когда рядом с ними убивают

нерожденных детей: «Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?» (Прит. 24.11.)

«Проклят, кто берет подкуп, чтобы убить душу и пролить кровь невинную!» (Втор. 27.25), — а это уже напрямую относится к врачам, делающим аборт.

И неслучайно святой апостол Иоанн напоминает: «Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца; а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей (1 Ин. 3.15).

В дальнейшем, когда Благая Весть стала распространяться в Римской империи, где аборт были распространены, появилась необходимость в том, чтобы Церковь открыто и однозначно осудила аборт как таковой, что и подтверждают многочисленные упоминания об аборте, который никогда не рассматривался как нечто иное, чем убийство.

АБОРТ И «ТРУДНЫЕ СЛУЧАИ»

Псалмопевец описывает развитие плода в материнской утробе как творческий акт Бога: «Ты устроил внутренности мои и соткал меня во чреве матери моей... Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был втайне, образуем был во глубине утробы. Зародыш мой видели очи Твои» (Пс. 138.13,15,16).

О том же свидетельствует Иов в словах, обращенных к Богу: «Твои руки трудились надо мною и образовали всего меня кругом... Не Ты ли вылил меня, как молоко, и, как творог, сгустил меня, кожей и плотью одел меня, костями и жилами скрепил меня, жизнь и милость даровал мне, и

попечение Твое хранило дух мой... Ты вывел меня из чрева» (Иов. 10.8-12,18).

«Я образовал тебя во чреве... и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя» (Иер. 1.5-6), — сказал Господь пророку Иеремии.

«Не убивай ребенка, причиняя выкидыш», — это повеление помещено среди важнейших заповедей Божиих в «Учении двенадцати апостолов» — одном из древнейших памятников христианской письменности.

«Женщина, учинившая выкидыш, есть убийца и даст ответ перед Богом. Ибо... зародыш во утробе есть живое существо, о коем печется Господь», — писал апологет II века Афинагор.

«Тот, кто будет человеком, уже человек», — утверждал Тертуллиан на рубеже II и III веков.

«Умышленно погубившая зачатый во утробе плод подлежит осуждению смертоубийства... Дающие врачевство для извержения зачатого в утробе суть убийцы, равно и приемлющие детоубийственные отравы», — сказано во 2-ом и 8-ом правилах святителя Василия Великого, включенных в Книгу правил Православной Церкви и подтвержденных 91-ом правилом VI Вселенского собора.

При этом святой Василий уточняет, что тяжесть вины не зависит от срока беременности: «У нас нет различения плода образовавшегося и еще не образованного».

Святитель Иоанн Златоуст называл делающих аборт «худшими, нежели убийцы».

Юбилейный Архиерейский собор 2000 г. принял социальную концепцию Церкви, в которой дана оценка острым проблемам современности. Не была оставлена без внимания и проблема абортов, как одна из самых насущных в России. К сожалению, в светской прессе появились весьма свободные толкования доктрины, в частности, утверждения о том, что Церковь якобы благословляет аборты в так называемых трудных случаях.

Автор в своем комментарии предложенной обществу социальной доктрины, конечно же, понимает, что невозможно учесть все многообразие жизненных ситуаций, поэтому однозначно рекомендует в каждой жизненной ситуации необходимость индивидуальной беседы с духовником.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что юридический и нравственный запреты, по своей сути, различны. Первый ограничивает свободу человека, тогда как второй оставляет ему свободу выбора. Принятый собором документ не носит юридического характера, а рассматривает проблему абортов в рамках нравственных категорий.

Верующему человеку тяжело слышать, когда Церковь обвиняют в различных грехах, в том

числе в жестокости по отношению к женщине. Особенно остро стоит вопрос о позиции Церкви по поводу так называемого прерывания беременности, которое осуждается и безоговорочно приравнивается к убийству 2-ым правилом святого Василия Великого и правилами Вселенских соборов.

Серьезные словесные баталии разгораются вокруг так называемых «трудных случаев» — в частности, абортов по медицинским показаниям, которые составляют примерно 1% от общего числа абортов. Однако любой священник со стажем может вспомнить десяток-другой примеров из своей практики, когда врачи отправляли женщину на прерывание беременности, предсказывая ей неминуемую смерть родами, а он благословлял рожать — и убеждался, что все прошло хорошо.

Дело в том, что, говоря об угрозе для жизни, медики зачастую имеют в виду опасность для здоровья, повышенный риск осложнений. Но роды — сложный физиологический процесс, в любом случае, всегда сопряженный с определенным риском. Эта форма служения, как и служба в армии для мужчин, всегда содержит опасность для жизни матери, даже если беременность и подготовка к родам проходят благополучно.

Эти два подвига — деторождение и защита Отечества, связанные с необходимостью жертво-

вать собой, благословляются Церковью, так как без них невозможно существование народа и государства. Причем на службу в армии, которая даже в мирное время включает в себе угрозу для жизни, в военное время общество посылает солдат принудительно.

Рассматривая случаи, когда беременность реально угрожает жизни матери, мы должны отдавать себе отчет в том, что имеется разница между риском для здоровья и риском для жизни, а также между риском для жизни и неминуемой смертью при сохранении беременности*.

Именно о таких случаях прямой угрозы жизни матери сказано в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятой на Юбилейном Архиерейском соборе. Хотя Церковь не может благословить аборт, но при угрозе неминуемой смерти женщина не принуждается к мученичеству, которое может быть только добровольным. В этом случае решение собора не благословляет аборт, но все же рекомендует священникам проявить некоторое снисхождение при назначении епитимии: «В случаях, когда существует прямая угроза жизни матери при продолже-

* В последнее время стали весьма распространенными случаи отправления на аборт «на всякий случай», при малейшем подозрении на патологию, риск и т.д. Сложившаяся практика подразумевает жесткое давление на беременную женщину.

нии беременности... в пастырской практике рекомендуется проявлять снисхождение».

Современная медицина позволяет в такой степени обезопасить женщину, что скорее можно говорить об исключительных, чрезвычайно редких случаях смерти при родах, обычно сопровождающихся и гибелью плода. Имеется целый арсенал средств, позволяющих спасти жизнь матери и ребенка даже при тяжелой патологии, — это кесарево сечение, ставшее обычной операцией даже в районных больницах; современные способы остановки кровотечения, использование крове-заменителей; возможности выхаживания недоношенных детей с массой менее 1 кг и многое другое.

Почему же женщину направляют на аборт?

Часто причина в банальном желании врача застраховаться и улучшить статистику в ситуациях повышенного риска, ведь за смертность от абортов, какой бы высокой она ни была, он не отвечает, тогда как даже за единичный случай смерти роженицы ему грозят большие неприятности.

В то же время подобная логика перестраховки совершенно не учитывает, что аборты часто приводят к летальному исходу, причем женщина может умереть не только сразу после прерывания беременности, но далеко не редкость и отдаленные последствия аборта, влекущие за собой гибель: постабортный синдром, сопровождающий-

ся попытками самоубийства; различные женские заболевания, особенно онкологические, — для медиков совсем не секрет, что через несколько лет после аборта возможна смерть от рака молочной железы.

Патологии, связанные с реальной угрозой для жизни матери, обычно чреватые и неизбежной, неотвратимой гибелью ребенка, что делает вмешательство допустимым, поскольку оно не является причиной смерти ребенка — его жизнь спасти нельзя.

Но рассмотрим ситуацию, когда возникает проблема выбора между жизнью матери и ребенка. Практика показывает, что мнения женщины, которая, как правило, находится в бессознательном состоянии, никто не спрашивает. Если же представить себе, пусть даже чрезвычайно редкий, случай, когда православная женщина, находясь в подобном положении, просит совета священника, то возможно ли благословить ее на аборт? И может ли мать, с точки зрения церковного православного сознания, добровольно умереть, предоставив жить ребенку? Будет ли этот шаг приравнен к самоубийству? Ответ находим в житиях святых.

Священномученик епископ Серпуховской Максим (Михаил Александрович Жижиленко) родился в семье, в которой было 9 детей. Будучи студентом Медицинского факультета Московско-

го университета, он женился, но прожил с женой не более полугода: она умерла из-за невозможности перенести беременность. Оба супруга, ни под каким видом, не захотели прервать эту беременность, хотя знали, что она грозит смертью, а по законам Российской империи в таких случаях разрешался аборт. Его жена до последнего хотела сохранить жизнь своего ребенка.

По окончании университета Михаил Александрович был врачом-психиатром, затем главным врачом таганской тюрьмы в Москве. Он спал на голых досках, питался тюремной пищей и все свое жалованье раздавал заключенным. Став епископом, он не мог не привлечь к себе внимания советской власти и в 1929 г. был арестован, а 6 июля 1931 г. расстрелян.

Является ли смерть его жены самоубийством? Очевидно, что, хотя за ее гибелью от тяжелого токсикоза беременности последовала и гибель ребенка, — этот поступок является добровольно принятым на себя мученичеством и высшим христианским подвигом, не меньшим, чем тот, который через несколько лет совершил сам священномученик Максим.

Возникает вопрос: а имеет ли право священник толкать женщину на смерть? Известно, что благословение духовника носит рекомендательный характер и никак не нарушает существующей «свободы» делать аборты, поэтому никто не

может обвинить Церковь в ограничении чьих-то «прав».

Особым случаем является внематочная беременность* и другие случаи, когда речь идет не о риске, а гарантированной гибели, притом что ребенка нельзя спасти. В этом случае отношение Церкви, засвидетельствованное в материалах Архиерейского собора 2000 года, представляет собой определенный баланс строгости и снисхождения: меры прещения, давления, такие, как отлучение от причастия, не применяются. Хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что здесь речь идет не об 1% прерывания беременности по медицинским показаниям, а о действительно редких, единичных случаях, когда нужно принять решение о том, будет ли дальнейшее развитие событий самоубийством или добровольно взятым на себя риском для спасения жизни ребенка?

Особо отметим, что, хотя случаи действительной угрозы для жизни женщины и бывают, следует отдавать себе отчет, насколько они редки, чтобы концентрировать внимание только на них и только через их призму рассматривать проблему абор-

* Внематочная беременность — это скорее тяжелое заболевание, чем беременность в прямом смысле этого слова. Хотя в медицине известны единичные случаи выживания детей при внематочной беременности, в целом эта тяжелейшая патология представляет опасность для жизни. Кроме того, известно, что внематочная беременность входит в список осложнений после совершенных ранее абортов.

тов в целом, допуская необоснованное обобщение. Тем не менее, аргумент о смертельном риске — самый важный и часто употребляемый в бурной полемике между сторонниками и противниками абортот.

По нашим наблюдениям, сегодня редко встречаются явные и открытые апологеты прерывания беременности. Теперь они не выступают открыто, а говорят примерно так: «Мы против абортот, но надо понимать, что в определенных случаях они неизбежны. Поэтому необходимо обеспечить их производство в максимально благоприятных для женщины условиях. Кроме того, женщина должна иметь свободу выбора». Однако если перевести слово «аборт» на русский язык, то его истинное значение — «детоубийство» — сразу выявит порочность этой логики.

Твердая позиция Церкви по данному вопросу и отсутствие в ней каких бы то ни было компромиссов крайне важны. Если внутри Церкви произойдет хотя бы малейший поворот в сторону либерализации — это будет означать капитуляцию перед сторонниками абортот, переход в их лагерь. Свидетельство Православия в защиту жизни потеряет свою основу, что неизбежно спровоцирует увеличение числа абортот.

Если рассуждать логически, то каждая беременность несет в себе риск, а следовательно, «общее благословение» на аборт в трудных случаях будет

означать не что иное, как прямое разрешение делать аборт всегда, просто по желанию.

Много ли сейчас здоровых женщин? Почти у каждой найдутся медицинские показания для убийства ребенка во чреве. Все, у кого возникают хоть какие-то проблемы со здоровьем, истолкуют либеральный подход в широком смысле и воспримут его как «церковное благословение» на детоубийство.

Конечно, не представляется возможным учесть множество индивидуальных «трудных случаев», но со всей определенностью следует сказать, что церковные правила, осуждающие аборт, в пересмотре не нуждаются.

ЗАКОН ОБ ОХРАНЕ ЗДОРОВЬЯ ПООЩРЯЕТ АБОРТЫ

В российском Законе об охране здоровья говорится:

«Каждая женщина имеет право самостоятельно решать вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при сроке беременности до 12 недель, по социальным показаниям — при сроке беременности до 22 недель, а при наличии медицинских показаний и согласия женщины — независимо от срока беременности.

Искусственное прерывание беременности проводится в рамках программ обязательного

медицинского страхования в учреждениях, получивших лицензию на указанный вид деятельности, врачами, имеющими специальную подготовку.

Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности определяется Министерством здравоохранения Российской Федерации, а перечень социальных показаний — положением, утверждаемым Правительством Российской Федерации.

Незаконное проведение искусственного прерывания беременности влечет за собой уголовную ответственность, установленную законодательством Российской Федерации».

В большинстве стран мира существует принцип: «что не запрещено, то разрешено». Собственно, для разрешения аборта не требуется принятия специальных законов, тем не менее, этой теме посвящена целая статья (ст. 36 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан). Таким образом, закон определяет аборт как «решение вопроса о материнстве» и возводит право на аборт в разряд основных прав и свобод человека. Этот безответственный подход в нашем законодательстве в корне противоречит как государственной политике, так и национальным интересам страны.

Итак, граждане страны имеют право на лечение, образование, отдых, защиту и... убийство нерож-

денного ребенка. Столь странный ряд выстраивается благодаря тому, что при написании Закона были подобраны формулировки, превращающие убийство в благодеяние, причем, что интересно, никакого юридического смысла в этих витиеватостях нет. Единственный смысл введения формулировки про «решение вопроса» в том, что данная статья «Закона об охране здоровья», по своей сути, является одной из самых агрессивных форм рекламы аборта.

Тон статьи, ее дух, смысл и содержание являются поощрением абортов. Очевидно, что одно дело — когда государство разрешает аборты, признавая их злом, другое — когда аборты поощряются, признаваемые добром. Именно таким, ультралиберальным, и является наше законодательство. Причем аборты поощряются трижды:

во-первых, утверждаются как некое право с позитивной окраской (решение вопроса о материнстве);

во-вторых, за аборты платим мы. Каждый, кто платит страховые взносы, должен знать, что закон принуждает его платить за убийство своих соотечественников — нерожденных детей;

в-третьих, аборт является обязательным для врачей, не только для налогоплательщиков. Ни врач, ни студент-медик не имеют гарантированного законом права отказаться от производства абортов.

Мы не можем согласиться с тем, что нерожденный человек не имеет права на жизнь, но в законе нет даже малейших намеков на то, что аборт — это зло если не с духовной, то хотя бы с медицинской или демографической точки зрения. Вне сомнения, необходимо изменение этой статьи, причем учитывая ту реальность, что большинство граждан страны, как это ни печально, являются сторонниками абортов и не поддерживают его запрет.

В первую очередь, должна быть полностью убрана пропагандистская и циничная формулировка про «решение вопроса о материнстве». Самым лучшим компромиссным решением было бы переформулировать Закон таким образом: «Прерывание беременности с 12 недели запрещено». Не меняя смысла, эта формулировка внесла бы ясность и осуждающий оттенок.

Кроме того, Закон не защищает женщину от принуждения к аборту, а также не предполагает никакой ответственности лечебного учреждения за то, чтобы отговорить мать от аборта. Такая однозначно очевидная вещь дорого обходится нашему обществу: при большом количестве абортов благотворительные организации и само лечебное учреждение не имеют гарантированной законом возможности побеседовать с женщиной, чтобы предложить ей помощь.

Работа по информированию женщин, решившихся на аборт, чаще всего проводится против-

никами абортов самостоятельно, нередко в противовес медицинским работникам, а то и при их открытом сопротивлении. Хотя тот же закон в статье 32 («Согласие на медицинское вмешательство») требует: «Необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является информированное добровольное согласие гражданина». Закон, как видим, отмечает, что любой пациент должен быть обязательно информирован о возможных рисках.

Это напрямую относится и в случае прихода на операцию по прерыванию беременности: пациентка должна быть предупреждена о возможном развитии тяжелейших патологий. Мало того, поскольку речь идет об очень серьезном шаге — принятии решения об операции, вредящей здоровью, то необходим двухнедельный период ожидания в расчете на то, что часть пациенток одумается и не придет.

Очень важным и широко обсуждаемым вопросом является статус эмбриона. По умолчанию, в «Законе об охране здоровья» эмбрион не имеет никакого статуса, то есть человек до рождения, по сути, рассматривается как сгусток клеток, а в лучшем случае попадает под действие нормативов, действующих в отношении тканей и клеточных культур... В результате чего возникает полный правовой вакуум в отношении эмбрионов человека, получаемых в результате ис-

кусственного оплодотворения. Они поступают в распоряжение частной клиники и могут быть использованы в любых целях: использованы для опытов, уничтожены, проданы и так далее.

Тем не менее, в Законе есть и положительная сторона: аборты после 12 недель запрещены. К сожалению, в статье нет ни слова о том, почему они запрещены. Это требует истолкования, которое отсутствует, хотя должно было бы быть записано в преамбуле или дополнениях.

На самом деле, аборты после 12 недель запрещены потому, что косвенно Закон защищает жизнь эмбриона и тем самым противоречит другим положениям, не придающим плоду никакого статуса. К такому же противоречию приводит положение о беременности жертвы как отягчающем обстоятельстве при убийстве: Закон в этом случае также предполагает наличие жизни. Интересно и то, что, когда на эмбриональной стадии ребенку необходима медицинская помощь, медицина рассматривает его как пациента, на лечение которого выделяются деньги, да и медицинское вмешательство, в этом случае, проводится пациенту, притом что этого пациента, как личности, по Закону еще не существует!

Наличие внутренних противоречий в Законе, крайне тяжелая демографическая ситуация в стране, в связи с чем заметно изменились приоритеты в демографической политике, — все это

говорит о том, что Закон, разрешающий аборты, сильно устарел и нуждается в кардинальном пересмотре, причем новая его редакция должна сопровождаться давно назревшим введением статуса человеческого эмбриона.

ПРЕНАТАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

Вспоминается одна из давних передач телевизионной программы «Русский взгляд», тематически посвященная теме пренатальной диагностики.

Маленькая очаровательная девчушка с живым и осмысленным выражением на личике, лет трех, возилась около матери, которая поведала историю своей беременности.

Она была уже в возрасте, когда забеременела дочкой, поэтому ее буквально насильно вынудили пройти так называемую «пренатальную диагностику». Результатом обследования было заявление, что плод, развивающийся в ее организме, показывает все признаки того, что будущий ребенок

однозначно должен родиться неполноценным. Вывод: срочное прерывание беременности. Женщина отказывается от предложения, во всем полагаясь лишь на Божью волю и принимая твердое решение рожать, пусть даже если будет и даун. Поддерживает во всем жену и муж.

В этой тяжелой и эмоционально, и психологически ситуации супругов поддерживает их духовник, но категорически не поддерживают врачи: беременную женщину отказываются даже ставить на учет в районной консультации. Ответственность на себя из медиков никто не хочет брать!

И вот наступает срок родов. И рождается девочка — чудная, здоровая по всем показателям и параметрам: на свет Божий появляется еще одна живая и спасенная душа. И страшно себе представить, что было бы, если мать и отец согласились на якобы гуманное предложение — прервать беременность, чтобы не плодить дураков.

Подобных этому случаев можно привести множество, но, к сожалению, они более редки, чем случаи, когда женщины поддаются на лукавые уговоры не рожать, потому как будущий ребенок уже несет в себе страшную патологию.

За последние годы в системе здравоохранения России пренатальная диагностика получает все большее распространение. Причем аргументируется все мнимой заботой о профилактике врожденной патологии новорожденных. Однако при

массовом расширении этого метода, а чаще всего откровенном навязывании пренатальной диагностики нельзя не обратить внимание на то, что в реальности возникают самые различные противоречия и нравственно-этические проблемы.

Прежде всего, пренатальная диагностика в большинстве случаев не имеет никакого отношения к самой профилактике врожденной патологии. Ее конечная цель, вместо лечения и профилактики болезней, была и есть в прерывании беременности, то есть в убийстве пациента, каковым и является нерожденное дитя. А все это абсолютно не приемлемо ни с точки зрения медицинской этики и деонтологии, включающей в себя не столько вопросы соблюдения врачебной тайны, сколько меру ответственности врача за жизнь и здоровье пациента, ни с точки зрения религии.

Изначально все методики постановки диагноза за плоду во время беременности чаще всего носят спорный характер и, что характерно, по признанию самих врачей, имеют довольно низкую степень достоверности. А вот случаи оказания давления на женщину, чтобы принудить ее к аборту даже при малейших, непроверенных подозрениях на патологию плода, угрожающе принимают систематический характер.

Мало того, нередко умышленно ставится заведомо ложный диагноз, и опять же только с одной целью — направить в абортарий, работающий как

промышленный конвейер. И уж тем более в подобных случаях женщинам никто не скажет настоящей правды, что при обследовании не обнаружено никакой патологии, а они выступают лишь в роли поставщиц весьма ценного и дорогостоящего «биологического материала».

Уже давно не секрет, что тела детей обеспечивают собой криминальную индустрию так называемой «фетальной терапии», и, таким образом, прослеживается заинтересованность определенных лиц в получении как можно большего количества человеческих эмбрионов, причем особенно ценных при умерщвлении на поздних сроках. И кто поспорит, что эта «медицина» не сродни той, что практиковалась фашистскими медиками в немецких концлагерях? Итогом деятельности для тех был Нюрнбергский процесс. А наступит ли свой Нюрнберг для нынешних злодеев в белых халатах? И когда?

При направлении на пренатальную диагностику родителей не ставят в известность, что вся процедура производится исключительно с целью принуждения беременной в последующем к аборту. К тому же, вне зависимости от конечного решения, женщина после исследования всегда получает психологическую травму, шок, который сам по себе вреден и для нее, и для ее ребенка. Кроме того, сама по себе данная диагностическая процедура может иметь осложнения и совсем не является безопасной.

Однако сторонники пренатальной диагностики, скрывая истинную и конечную цель, лукаво утверждают, что всегда дают точную и верную информацию, а уж решение о прерывании беременности женщина принимает самостоятельно. На самом деле все это далеко не так.

Аборт не приемлем ни при каких условиях, и уж тем более, он не может являться средством «профилактики» заболеваний. Аборт, по каким бы причинам ни проводился, всегда есть убийство, ибо библейская заповедь «Не убий» не имеет каких-либо лукавых оговорок или дополнительных условий, касающихся здоровья плода.

Пренатальная диагностика с последующей «селекцией» циничным отбором на выживаемость — никакого отношения не имеет к пренатальной медицине, которая действительно рассматривает нерожденного человека как своего пациента, предполагая в случае необходимости его лечение, а не убийство.

Пренатальная диагностика — не должна быть откровенной пародией на медицину — медицину, которая должна лечить и предотвращать заболевания, а не наоборот. Никто — ни врач, ни тем более кто-то иной, пусть и наделенный властью, — не имеют ни морального, ни юридического и вообще никакого права решать, какой пациент достоин жизни, а какой — нет. К сожалению, когда производится пренатальная диаг-

ностика — никто не дает гарантий, что лечение, в случае необходимости будет, оплачено. Даже когда выявленная патология плода вполне реальна, родителей никто не будет ориентировать на лечение как таковое. Только бесплатный аборт — единственное, что будет предложено безапелляционно, хотя в результате пусть дорогостоящего, но все-таки лечения ребенку однозначно можно помочь.

Нельзя не сказать и о финансовой стороне пренатальной диагностики. Деньги на лечение и содержание медицины находятся в руках страховых компаний. Давно не секрет, что, если обратиться в поликлинику по незначительному поводу, человек получит бесплатное лечение, но, как только встанет вопрос о дорогостоящей помощи, например операции, он вынужден будет, чтобы спасти жизнь, платить сам или, при отсутствии денег, вообще отказаться от лечения, надеясь лишь на одно: будь что будет. Но при этом денег, собираемых из страховых взносов, вполне хватает на то, чтобы проводить бесплатные аборты всем, а также на охват огромной страны системой отбора по принципу «убить — не убить», что и предполагает пренатальная диагностика. Поэтому легко предположить, что удобнее, выгоднее и дешевле убить десятки, сотни детей «на всякий случай», чем расходовать бюджет страховых компаний на лечение единиц — и в этом не ошибиться.

В настоящее время беременных женщин, особенно немолодых, почти в принудительном порядке загоняют на пренатальную, точнее «предабортную», диагностику. В этом случае женщине необходимо понимать, что врач действует в соответствии с существующими инструкциями и он не отвечает за ребенка. Мало того, напомним, врач не отвечает и ни за какие последствия аборта. Ему неважно, что и как будет завтра с этой женщиной — одной из длинного потока в его кабинете, а вот состояние «правильной статистики» — это то главное, что требуется и от него лично, и от лечебного учреждения в целом.

Зачем на участке нужен еще один больной ребенок? Можно просто хладнокровно отправить женщину на аборт и, убив всех детей, заподозренных в «неполноценности», постоянно поддерживать статистику в идеальном порядке.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЭМБРИОН ЧАСТЬЮ ТЕЛА МАТЕРИ?

Многие сторонники абортов, ведя войну против незащищенных нерожденных детей, апеллируют к одному широко известному аргументу, утверждая, что ребенок в утробе матери является не чем иным, как тканью, сгустком клеток внутри материнского организма. Столь ничтожному аргументу приходится уделять внимание не в силу его убедительности, а скорее в силу большой распространенности в умах наших сограждан. Особенно актуально его рассмотрение в последнее время, когда стало доподлинно известно, что многие средства, считавшиеся противозачаточными, на деле оказались

средствами убийства человека на очень ранней стадии развития.

Давайте рассмотрим подробнее: в момент зачатия образуется одна-единственная клетка, которая имеет уникальный геном, отличный от генома матери и отца. После зачатия этот «сгусток клеток» не вступает в прямой контакт с организмом матери, а имеет собственный обмен веществ и отделен от нее таким образом, чтобы не произошло его отторжения как чужеродного тела. Кровь и ткани матери и ребенка не смешиваются, не входят в непосредственный контакт, а иммунная система каждого организма действует вполне автономно.

Повторимся, что ребенок до рождения, даже на самых ранних сроках, имеет свой обмен веществ, функционирует как вполне самостоятельный в физиологическом отношении организм, который вначале живет за счет собственных питательных веществ, а впоследствии — за счет матери, снабжающей через пуповину свое чадо питательными веществами и кислородом. В утробе дите находится в тепле и под надежной защитой.

Потом, когда ребенок рождается, органы их могут быть взаимно несовместимы, то есть совершенно непригодными для трансплантации, а кровь — принадлежать к несовместимым группам: если в этом случае кровь матери и ребенка вдруг смешать, она свернется!

Мнение о том, что эмбрион может считаться частью тела матери, абсурдно даже для человека, знакомого с анатомией и физиологией в пределах школьного курса, пусть даже «на тройку». Может ли у человека быть два мозга? Две печени, четыре почки, четыре легких? Две независимые системы кровообращения? Те люди, которые говорят подобное, в своей нелогичности и непоследовательности достойны лишь удивления и сожаления.

В последнее время развитие науки принесло нам много новых знаний. Все стадии развития эмбриона уже давно зафиксированы во всех подробностях и во всех ракурсах, причем не только на фото, но и на видео. Каждый может убедиться в этом и увидеть своими глазами, как живет «часть тела матери». Известно, что сердце эмбриона начинается биться в возрасте трёх недель, а к семи неделям у него полностью формируются внешние и внутренние органы. Малыш начинает активно плавать!

Так, главный неонатолог Комитета здравоохранения Москвы, доктор медицинских наук Д. Н. Дехтярев говорит о возможностях современной медицины «поддерживать жизнь любого недоношенного ребенка с признаками сердечной деятельности, начиная после полных 22 недель беременности».

И положительные примеры тому уже есть. Несколько лет назад за рубежом спасли 19-недельную

малышку Кенни Кинг, весом 510 грамм, а в 2007 г. врачами Липецкой областной больницы был спасен новорожденный мальчик, весил который еще меньше — 450 грамм.

Между тем, тот же Д. Н. Дехтярев с прискорбием указывает на сложившийся сегодня парадокс: «Мы принимаем титанические усилия, чтобы спасти жизнь этих младенцев, а где-то рядом совершенно таких же abortируют, и в несравнимо больших количествах. Это трудно понять».

А это ли не доказательство тому, что уже любое нерожденное дитя требует защиты!

Сторонники абортoв и сомнительной аргументации получили сегодня и еще одно опровержение своим псевдонаучным взглядам. Уже ни для кого не секрет, что так называемое «суррогатное материнство» есть имплантация чужого эмбриона в заарендованное на срок тело. Хотя наше отношение к суррогатному материнству не может быть положительным, но сама его возможность убедительно доказывает, что в утробе беременной женщины может развиваться не только ее собственный плод, но и совершенно чужой.

Как может ребенок быть частью тела матери, когда он генетически не только не имеет никакого отношения к своей «матери», но даже может принадлежать к другой расе?

Таким образом, мнения сторонников теории о «части тела матери» до такой степени несостоя-

тельны, что можно говорить о том, что вопрос о статусе эмбриона — это не столько вопрос веры, убеждений или принципов человека, сколько научное знание.

Однако, к великому сожалению, информационная утка о том, что «эмбрион — часть тела матери», продолжает свой антигуманный «полет» от человека к человеку, размножаясь в сотни и сотни раз и, что самое страшное, продолжая влиять на безрассудное поведение великого множества людей.

О НЕКОТОРЫХ ЭТИЧЕСКИХ СТОРОНАХ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА» И СТАТУСЕ ЭМБРИОНА

Суррогатное материнство (СМ) в последние годы становится частью индустрии репродуктивных технологий и вошло в прайс-листы многих учреждений; мало того, появились специализированные центры суррогатного материнства.

Смысл этой операции схож с процедурой экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), где, в отличие от обычной процедуры ЭКО, маленький ребенок имплантируется в тело посторонней женщины. Биологические же родители покупают эту услугу за деньги.

Суррогатное материнство возможно по той причине, что плод (даже свой собственный ребенок) в организме матери надежно отделен от матери. Их белки, кровь и части тела не входят в прямое соприкосновение друг с другом, и, таким образом, ребенок не вызывает реакции у иммунной системы матери, не отторгается, в то время как даже родное дитя может иметь другую группу крови и органы, несовместимые при пересадке. Собственно говоря, само существование и даже возможность суррогатного материнства наглядно доказывает, что ребенок в утробе не является частью тела матери ни с биологической, ни даже с юридической точки зрения.

Появление ЭКО, а впоследствии и суррогатного материнства вызвало сложную дискуссию об этике, границах возможного в репродуктивных технологиях и о последствиях вмешательства в такую тонкую и интимную сферу жизни, как рождение ребенка. Проблема имеет тесную связь с вопросом о статусе нерожденного ребенка с момента зачатия.

Инцест. Поскольку само по себе суррогатное материнство является видоизмененной технологией ЭКО, точнее ее частным случаем, то этические проблемы ЭКО остаются актуальными и для суррогатного материнства. Это, в первую очередь, проблема «лишних эмбрионов» и возмож-

ность их уничтожения, продажи, злоупотребления, а также ряд других действий, которые, хотя и являются предметом дискуссии уже в течение нескольких десятилетий, до сих пор не решены. В последнее время неожиданно встал вопрос инцеста, который может быть спровоцирован ЭКО.

Благодаря ЭКО у одного мужчины-донора могут быть сотни детей. Теоретически, число потенциальных детей у одного донора может превысить все население земли. На практике действительно у одного отца оказываются сотни детей, причем юридически они его потомством не являются. Мало того, эти дети — братья и сестры — не знают о своем взаимном родстве. Если в начале распространения ЭКО их были единицы, то теперь тысячи. И вероятность в будущем встречи и даже брака далеко не равна нулю, а во втором поколении становится еще более реальной. При этом никто не несет никакой ответственности за возможные последствия, а они могут быть очень и очень серьезными.

Конфликт интересов. В случае суррогатного материнства рожденные дети юридически являются детьми матери, которая их выносила и родила, но в разных странах эти законы могут различаться.

Допустим, закон оставит право на ребенка только биологическим родителям. Когда «мать-инкубатор» родит ребенка, на которого у нее нет

никаких прав, то новорожденный будет изъят в принудительном порядке.

В случае, если закон оставляет матери право отказаться от сделки сразу после родов, возникнет трудноразрешимый конфликт с биологическими родителями, которые вынуждены будут жить всю оставшуюся жизнь с мыслью о том, что их ребенок растет в неизвестном месте, в неизвестной семье. Они не будут иметь ни малейших прав на него. Суррогатную мать, оказавшуюся в таком положении, можно понять. Вынашивать ребенка, слышать, как бьется его сердце, родить в муках, а потом отдать... В этот момент просыпается материнское чувство, любовь к этому ребенку как к своему. В любом случае, суррогатная мать оказывается в состоянии эмоционального и физиологического стресса, вызванного отнятием ребенка. Кроме того, возможен мастит, рак молочной железы, заболевания репродуктивной системы.

Потенциальный конфликт интересов биологической и суррогатной матери заложен в самой процедуре СМ и носит неразрешимый, тупиковый характер. До сих пор даже в странах, где СМ разрешено, нет юридической схемы, позволяющей его уладить.

При этом стоит иметь в виду, что даже если стороны «разошлись» по-мирному, возможность исков, разбирательств, требований возмещения ущерба не исчерпана.

Может ли суррогатная мать подать в суд на клинику, если заболеет раком груди?

Кто будет отвечать за возможный ущерб?

Возникают сложные отношения между всеми сторонами процесса СМ: матерями, — а их, как это ни абсурдно звучит, две, — отцами, родителями, их семьями, клиникой, отдельными врачами и так далее.

Что будет, если родится больной ребенок?

И каковы взаимоотношения и ответственность всех сторон в случае нарушения договора?

Эксплуатация женщины. Несмотря на непрерывно звучащие разговоры в пользу прав женщины, либералы почему-то умалкают, когда речь идет о новом виде эксплуатации, а зря. Трудно представить более изощренную и жестокую форму эксплуатации женщины, чем суррогатное материнство.

Формально это не рабство, а добровольная услуга, тем не менее, налицо все признаки нарушения прав и женщины, и ребенка. Вероятность осложнения после родов, невозможность грудного вскармливания, износ организма, потеря здоровья, эмоциональный шок, риск для жизни — все это расплата за сомнительный «заработок». При этом права женщины — суррогатной матери нарушаются за деньги и добровольно, но все это в итоге не способно компенсировать ее возможные потери, ущерб для личности и свободы.

Неопределенная судьба «лишних эмбрионов». Так же, как и при ЭКО, лишние эмбрионы могут быть уничтожены, но это не единственная этическая проблема ЭКО и СМ.

«Лишние» эмбрионы, полученные в результате гиперстимуляции яичников, не имеют в России и многих других странах никакого юридического статуса. Таким образом, человеческие существа, жизнь которых уже началась, оказываются в полном распоряжении частной клиники. Далее они могут быть заморожены и храниться неопределенное время, а также имплантированы любой матери без согласия биологических родителей. Причем в этом случае нет значительных юридических препятствий для передачи эмбриона другим лицам, а также отсутствует возможность серьезного контроля со стороны государства. Мало того, клиника может и не информировать о наличии лишних эмбрионов, а тем более о возникающих этических проблемах, чтобы не озадачивать клиентов.

Пары, которые пошли на искусственное оплодотворение, не подозревают о такой возможности, как появление их биологических детей в других семьях, в том числе за границей. Мало того, их дети могут оказаться предметом купли-продажи. Учитывая сомнительный бизнес клиник суррогатного материнства, можно быть уверенным, что их руководство не отягчено излишней моралью.

Продажа людей. Хотя отношение к эмбриону является предметом дискуссии, за эмбрионом признается особый статус. В любом случае, понятно, что когда мы имеем дело с эмбрионом, то это не часть тела или орган, это не половая клетка и не культура ткани. С чисто биологической точки зрения, он имеет тот же генотип, что и взрослый человек, который может вырасти из этой клетки. С точки зрения христианской этики, которая лежит в основе европейской цивилизации, эмбрион является человеком, хотя документов, таких, как паспорт, справка или свидетельство о рождении, у него не может быть. Тем не менее, по существу, при передаче эмбриона, пусть в скрытой форме, под видом оказания услуг происходит акт купли-продажи живого человека.

Риск для здоровья детей. Само по себе и ЭКО, а тем более СМ, являются полностью противозачаточными способами зачатия и рождения детей. До сих пор нет убедительных доказательств их безвредности. Отрицательные последствия могут быть самыми разными. Кроме того, в случае хранения зародыша в замороженном виде его срок жизни продлевается на неопределенное время по желанию тех, кто в данный момент им владеет. Возраст окажется больше на столько, сколько длилось хранение. Конечно, заморозка останавливает большинство биохимических процессов, но не

полностью. Во время хранения оплодотворенная яйцеклетка подвергается обычному фоновому, радиоактивному облучению, и возрастает вероятность мутации. Наличие мутации выявить очень трудно, так как многие наследственные болезни передаются рецессивными генами и не проявляются сразу, а только в последующих поколениях.

Коммерциализация деторождения. Какими бы словами о высоком значении материнства ни прикрывалась новая технология суррогатного материнства — она остается коммерческой услугой, то есть услугой, которая оказывается за деньги и ради денег.

При развитии этой технологии включаются механизмы рыночной регуляции по схеме деньги-товар-деньги. Под товаром подразумеваются набор услуг и сам ребенок. В этом процессе человеческая жизнь и сам человек становятся предметом торговли, приобретают свойства товара. Спрос рождает предложение, и предложение рождает спрос. В этой схеме нет места этике, человеческим взаимоотношениям, ценности и неповторимости жизни.

Есть вещи, которые нельзя продавать и покупать. Если общество переступает эту черту, то оно становится другим — обществом, где можно купить человеческую жизнь. Уже появились своеобразные «питомники», где мамы из бедных стран ро-

жают детей, чем и добывает себе на жизнь. Нельзя не увидеть аналогии с человеческими «фермами», которые существовали в рабовладельческой Америке.

По сути, появилась новая форма торговли своим телом, аналогичная проституции, которая глубоко унижает достоинство женщины, хотя в обоих случаях все происходит как будто добровольно. Причем мы еще не знаем, к каким злоупотреблениям может прийти эта индустрия, для которой нет никаких нравственных преград.

Известно, что в репродуктивных технологиях вращаются очень большие деньги. Коммерческая цена услуги за СМ начинается от 10 тысяч долларов, и это далеко не единственные расходы. Одна попытка ЭКО стоит около двух тысяч долларов.

При этом проблема сиротства в стране до сих пор не решена. Тысячи детей без попечения родителей ждут усыновителей, а сами усыновители получают ничтожную помощь со стороны государства, не говоря уже о нормальных детях в нормальных семьях, рожденных естественным путем. Зачастую родители ребенка, которому нужна операция, которого можно спасти, встают перед необходимостью изыскивать астрономические суммы на жизненно необходимые операции. Страховые компании отказываются оплачивать счета, притом что граждане отчисляют соответствующие налоги и принудительные страховые взносы.

Эти два явления: миллионы, обращающиеся в индустрии репродуктивных технологий, и дети-сироты — присутствуют в одно и то же время в одной и той же стране, по-соседству.

Десакрализация материнства и разрушение семьи. Во всех культурах, особенно европейской и христианской, материнство испокон считалось священным, а уважение к материнству глубоко заложено в нравственной системе общества. Недаром образ Богородицы с Младенцем является одним из самых почитаемых.

Превращение материнства в бизнес, торговлю детьми и своим телом дегуманизирует институт материнства, превращает его в ремесло. Все неэтичные стороны репродуктивных технологий сконцентрировались в индустрии суррогатного материнства — индустрии, набирающей на наших глазах силу. Коммерческое вынашивание детей наносит по семье удар, и последствия этого удара скажутся на репродукции, причем отрицательный эффект намного превысит то число рождений, которое получают экстравагантные родители.

Возможные злоупотребления. До сих пор не изучены возможные последствия злоупотребления репродуктивными технологиями, в частности СМ. Суррогатное материнство существует в правовом вакууме, при его проведении возникают неразре-

шимые казусы. Так, плохое обращение с женщинами-инкубаторами уже имеет место, происходит их подчинение клинике суррогатного материнства, существующей полулегально. За деньги подписывается кабальный договор, который лишает мать ее прав. Бизнес коммерческого материнства быстро интернационализировался. Если в одной стране запрещено СМ, можно поехать в другую. Богатые страны беззастенчиво будут эксплуатировать бедные, что и происходит уже. Бизнес имеет явно выраженный полутеневого характер, и не ясно, что произойдет, когда преступная группировка возьмет его под свой контроль.

Суррогатное материнство открывает путь к евгенике — мнимому «улучшению» человеческой породы. В одно время такие «селекционеры» оказались на скамье подсудимых в Нюрнберге. Хорошо известно, как они «улучшали» человеческую породу и к чему все это привело. Действительно, медик без нравственных принципов, злоупотребляющий своим знанием, уподобляется нацистским врачам.

Технология СМ, работа клиник по предоставлению услуг СМ является для общества своего рода «черным ящиком». Мы не знаем точно, что там происходит и как происходит. Например, заявляется, что женщина предоставляет услуги суррогатной матери бесплатно, чисто из гуманитарных соображений, — и нам предлагается в это поверить...

Ясно, что речь идет о наличных, передача которых не афишируется, не облагается налогом и не фиксируется как коммерческая деятельность.

У нас в стране пытаются, причем пока что безуспешно, навести порядок и установить контроль над детьми, усыновленными за границу. Что же говорить о детях, вывезенных за рубеж через экспорт услуги СМ?

Можно предположить, что в скором времени компании, зарабатывающие деньги на суррогатном материнстве, как и в случае ЭКО, запросят государственного финансирования. Эта абсурдная затея обернется налогоплательщикам в огромные суммы, которые лучше было бы потратить на обустройство сирот в приемных семьях.

В целом распространение процедуры СМ и возрастающая на ее основе индустрия выявили целый ряд противоречий юридического, медицинского, нравственного и духовного характера. Сама по себе процедура имеет сомнительный характер, чревата потенциальными конфликтами между участниками процесса СМ, причем они, по сути, будут иметь трудноразрешимый характер. Внедрение и широкое распространение СМ является формой эксплуатации женщины и унижает статус материнства в целом. Технология СМ, в которой вращаются большие деньги, находится в глубоком противоречии со статусом и правами неродившегося человека.

ДЕСЯТЬ МИФОВ О ГОРМОНАЛЬНОЙ КОНТРАЦЕПЦИИ

Миф первый: *гормональная контрацепция не вредна*

Однако любое, без исключения, фармакологическое средство имеет свои побочные действия. Вне всяких сомнений, есть негативные эффекты и у всех гормональных контрацептивов (ГК), которые подробно описаны в медицинской литературе, но от широкой публики сокрыты. В прилагаемых к этим препаратам аннотациях и тем более в рекламе упоминаются только лишь их достоинства, причем часто сомнительные.

Хорошо известно, что при использовании ГК возникают самые многочисленные осложнения, которые здоровую женщину превращают в больную и бесплодную.

В настоящее время существует целый ряд публикаций, содержащих сведения о реальных последствиях использования ГК, полученные не только в результате научных исследований, но и подтвержденные горьким опытом многих женщин. В некоторых странах прошли успешные судебные процессы против производителей ГК, но об этом мало кому известно, а рекламный штамп «Подходящий для Вас препарат поможет подобрать врач» продолжает свое магическое действие, эксплуатируя доверие женщин к врачу.

Очень важно понять, что ГК — это не лекарства, а калечащие женщину средства, грубо нарушающие естественные физиологические процессы. Эти средства не имеют никакого отношения к медицине, приносящей исцеление от недугов или облегчающей страдания. К сожалению, за последние десятилетия, в силу экономических и политических причин, отечественная медицина стала, в прямом смысле, заложницей международной системы, имеющей цели, далекие от защиты здоровья.

Миф второй: *в гормональной контрацепции используются «малые дозы»*

Вдумаемся в смысл выражения «малая доза». Что оно означает? Малая доза относительно чего? В фармакологии существуют термины «летальная доза», «терапевтическая доза» и другие, но таких медицинских понятий, как «малая доза», «низкая доза», «очень маленькая доза», не существует и просто существовать не может. Например, высшая суточная доза дигоксина — 0,0015 г, а аскорбиновой кислоты — 0,1 г, то есть в сотни раз больше. Смертельная доза спирта исчисляется сотнями граммов, а цианида — 0,2 г. И это не много и не мало. Смертельная доза лишь обозначает, сколько граммов яда должно попасть в организм, чтобы убить его, и больше ничего.

А что такое доза? Доза — это масса биологически активного вещества, достаточного, чтобы произвести в организме тот или иной эффект. Масса же измеряется в граммах, а не в терминах «мало» или «много». Даже когда мы кладем удобрение на грядки, мы не берем его «много» или «мало», а меряем хотя бы лопатами или ведрами. Тем более фармакология — медицинская наука, которая использует общепринятые, предельно точные единицы измерения.

Так что же может означать термин «малая доза» применительно к гормональной контрацепции? Во-первых, он является не более чем эмоциональной оценкой, а во-вторых, — нечис-

топлым рекламным приемом производителей этой отравы.

В действительности же «малая доза» ГК может оказаться достаточной, чтобы выключить целую систему органов, а, если учитывать, что прием препарата должен быть ежедневным и рассчитан на многие месяцы и даже годы, то конечный результат однозначно будет тот же, что и при приеме «больших доз»: искусственное бесплодие и многочисленные осложнения.

Миф третий: *гормональная контрацепция безопасна, потому что ею пользуются 120 миллионов женщин во всем мире*

Возможно, что гормональную контрацепцию действительно используют 120 миллионов женщин, однако это еще не факт, ибо разные источники дают и разные цифры. В то же время, как известно, женщин репродуктивного возраста, которые осознанно не хотят ими пользоваться, по крайней мере, не меньше миллиарда. Манипуляция цифрами — это всегда типичный рекламный прием. Допустим, что на самом деле 120 миллионов женщин используют ГК, но где цифры о том, сколько из этих миллионов здоровы и счастливы? Да, безусловно, это их выбор, это их право, в том числе и неоспоримое право на риск.

Множество людей рискуют своей жизнью и здоровьем самым различным образом: курят,

пьют, принимают наркотики, переходят улицу на красный свет, вступают в случайные связи, делают аборты, нарушают правила пожарной безопасности и... список каждый может продолжить сам. Так можно ли сделать вывод о безопасности никотина, алкоголя или наркотиков только на основании того, что людей, их потребляющих, миллионы, а может быть, миллиарды? Даже если бы ГК использовало большинство женщин мира — это все равно не было бы весомым аргументом в пользу их безвредности. Большинство — далеко не критерий истины, поэтому апелляция к столь ничтожному аргументу может однозначно говорить лишь о недобросовестной рекламе, а не о безопасности гормональной контрацепции.

Миф четвертый: *гормональные контрацептивы «естественны» и являются синтетическим аналогом природных гормонов человека*

Примером синтетического аналога естественного гормона является, например, преднизолон, который копирует структуру природного гормона надпочечников. Это, кстати, не мешает преднизолону иметь такое количество побочных эффектов, что применять его рекомендуется лишь в особых случаях и строго под наблюдением врача. Следует особо учитывать и тот факт, что все современные гормональные контрацептивы полностью получены синтетическим путем и со-

всем не имеют естественных аналогов в природе. Применение всех, без исключения, гормональных контрацептивов является грубым, искусственным вторжением в работу женского организма.

Гормоны — это химические вещества, выделяемые в строго определенном количестве железами внутренней секреции. Они обеспечивают нормальное функционирование организма, являясь носителями информации, которая передается с током крови по системе управления органами и их функциями. Искусственные гормоны же всех, без исключения, контрацептивов вносят в организм искусственную, фальшивую информацию, что уже само говорит о противоестественности синтетических гормонов, особенно если они вводятся, чтобы нарушить функцию репродуктивной системы.

Подобное манипулирование понятием «естественность» возможно только на фоне тотальной безграмотности в области нормальной физиологии человека.

Миф пятый: *гормональные контрацептивы не обладают абортивным эффектом и не приводят к убийству зачатого ребенка*

Прежде всего, необходимо объяснить, что такое «абортивный эффект» и что такое «убийство зачатого ребенка».

Существуют разные взгляды на то, какой момент считать юридически началом жизни, однако неоспоримым научным фактом является то, что биологическая жизнь человека начинается с момента слияния ядер мужской и женской половых клеток. Следовательно, сознательное уничтожение уникального живого организма с этого момента является убийством.

Производители контрацептивов утверждают, что принцип действия их препаратов основан на предотвращении овуляции и, как следствие, — на невозможности зачатия. Так ли это? Известно, что ни одно из противозачаточных средств не дает 100 % предупреждения зачатия даже при полном и точном соблюдении всех правил и рекомендаций. При этом не следует забывать о множестве факторов, влияющих на эффективность ГК, — это и индивидуальные особенности женщин, перерывы в приеме препарата, нарушения работы желудочно-кишечного тракта, взаимодействие ГК с пищей и лекарственными средствами и еще множество других причин, увеличивающих вероятность зачатия и при приеме противозачаточных препаратов.

Что же происходит в этом случае? Оплодотворенная яйцеклетка (новая уникальная жизнь!) может погибнуть уже в маточной трубе, так как ГК нарушают условия ее продвижения. Если оплодотворенной яйцеклетке все же удастся про-

никнуть в матку, она может погибнуть из-за дегенеративных изменений в ее слизистой оболочке, основная цель которой в обеспечении питания и жизнеспособности ребенка. Именно таким двойным, то есть противозачаточным и абортивным, действием объясняется высокая эффективность «таблеток против детей».

Наличие этого убийственного эффекта привело к тому, что во многих странах существует оппозиция компаниям, распространяющим гормональные контрацептивы.

Миф шестой: *гормональная контрацепция полезна для здоровья и рекомендуются для профилактики различных заболеваний*

Это заявление является открытой ложью! Если бы гормональные контрацептивы были полезны для здоровья, то после соответствующей фармакологической проверки их необходимо бы было выпускать под новым названием как «профилактическое средство здоровья и долголетия», — а противозачаточный эффект объявить всего лишь побочным. Однако этого никто не делает и никогда не сделает, между тем мировые фармацевтические компании продолжают печатать свою ложную рекламу, за которую не несут никакой ответственности.

Известно, что любая ложь, чтобы достичь цели, должна содержать долю правды, причем ино-

гда эта доля может составлять и более 90%, — однако истина может быть только полной. Любая полуправда — всегда остается полной ложью. Частично правда у этого мифа есть и состоит в том, что ГК действительно снижают риск заболевания раком матки, но полная правда состоит уже в том, что использование ГК увеличивает риск заболевания раком шейки матки и раком молочной железы, вызывает ряд необратимых изменений в сердечно-сосудистой системе и множество других осложнений. Поэтому, если врач рекомендует использовать ГК для профилактики рака матки или других заболеваний, он, безусловно, должен предупредить и о том, за счет чего эта профилактика достигается. Пациент имеет право самостоятельно выбрать, что ему предпочтительнее: жить или если умереть, то от какого именно рака.

Для лечения и профилактики заболеваний, на которые ссылаются врачи, рекомендующие в этом случае гормональные контрацептивы, существует множество других средств, не имеющих противозачаточного эффекта и такого количества побочных действий и осложнений.

Миф седьмой: органы здравоохранения активно распространяют гормональные контрацептивы, поскольку заботятся о репродуктивном здоровье и благополучии женщин

И в этом заявлении много лукавства и откровенной лжи!

Забота современной системы здравоохранения о репродуктивном здоровье женщин сегодня весьма своеобразна. Так, в некоторых медицинских источниках можно встретить сведения о том, что «старые» ГК с «высокими дозами» были очень вредны, что имели многочисленные осложнения, при этом, однако, часто умалчивается, что их применяли, особенно в странах «третьего мира», десятки лет. Умалчивается и о том, что самые первые судебные процессы в США, возбужденные жертвами этих «достижений» медицины, состоялись сразу же после разрешения их применения, буквально через два-три года.

На сегодня вред тех препаратов — общепризнанный медицинский факт, причем и сами сторонники ГК признают, что старые, так называемые высокодозированные, ГК калечили женщин, но самое циничное в их признании то, что они уже и тогда знали об этом и, тем не менее, продолжали самым активным образом распространять и рекомендовать их к употреблению.

В настоящее время негативные последствия гормональной контрацепции приобрели иной, более опасный характер, но изменилась и система защиты их производителей и распространителей от судебных исков. Они стали хитрее и изощреннее.

Сегодня рекламу ГК поддерживают, в первую очередь, Международная федерация планирования семьи и ее представительства практически во всех странах мира. Так, известные американские ученые-эксперты Джон и Барбара Уилке считают МФПС — организацию, осуществляющую грандиозные планы по сокращению лишнего населения, — «самой большой, наиболее могущественной, наиболее эффективной, выступающей за аборт, против жизни, против семьи, антихристианской силой в США и на международном уровне».

За «таблетками против детей» стоят в основном две вещи: деньги и политика. Репродуктивное здоровье и благополучие женщин — лишь вывеска грандиозного маркетинг-плана, разработанного для снижения рождаемости в странах «третьего мира», в том числе, возможно и в первую очередь, — в России. Политический заказ на снижение рождаемости не имеет отношения к медицине и напрямую связан с политикой богатых стран Запада, которые, потребляя большую часть природных ресурсов планеты, дают все 90% загрязнения окружающей среды.

В 1990 г. в Каире прошла при весьма узком круге участников международная конференция по *демодоррекции*, на которой откровенно прозвучали циничные слова: «Неприятная правда заключается в том, что на этой планете недостаточно

чистого воздуха, земли и воды, чтобы поддерживать миллиарды китайцев, индусов и русских...»

Для контроля над природными ресурсами других стран им необходимо обеспечить контроль над рождаемостью, что и достигается с помощью не вполне добросовестных или искренне заблуждающихся медиков, навязывающих массовое использование ГК.

В нашем обществе существует много проблем: туберкулез, травматизм, психические заболевания, беспризорность; не хватает средств даже на самое необходимое оборудование и медикаменты для детских больниц и роддомов. Однако в избытке находятся деньги на то, чтобы содержать огромный штат «планировщиков семьи» по всей стране, платить им зарплату, тратиться на рекламу — и все якобы ради нашего «благополучия». Только в этом обещанном благополучии нет места для наших детей, которым хотят уготовить судьбу американских индейцев.

Миф восьмой: *гормональная контрацепция — это модно, стильно и современно*

Создание мнимой моды — рекламная технология. С помощью подобных технологий человека легко можно заставить заплатить за ненужный ему товар или услугу.

Но почему-то совершенно не формируется другая мода, рекламирующая, что женщине модно,

стильно и современно быть здоровой, успешной, в том числе в личной и семейной жизни.

Молчат идеологи рекламы и о том, что модно иметь не меньше трех детей и модно заботиться о стариках, что не модно, не стильно и совсем не современно видеть и знать, что бездетный старик умирает в одиночестве в доме престарелых.

Мы не видим на улицах огромных билбордов и гигантских растяжек над магистралями с призывом, что не модно быть бездетным и, тем более, не модно начинать половую жизнь до брака, что не стильно и не современно болеть венерическими болезнями.

Не видим мы и рекламу по телевизору о том, что модно думать самому, что стильно быть самостоятельным и современно не покупать на самые различные приманки-призывы, с тем чтобы не позволять тотально-массовую промывку своих собственных мозгов.

Миф девятый: *гормональная контрацепция помогает достичь счастья в личной жизни, реализовать свои права, быть свободным*

Лукаво утверждающие, что гормональные контрацептивы дают счастье в личной жизни, избавляя женщину от страха беременности, забывают, что именно страх беременности заставляет использовать противозачаточные препараты, причем страх перед зачатием собственных детей оказывается

больше страха перед возможными последствиями отказа от деторождения.

И можно ли назвать любовью и счастьем, если мужчина допускает, чтобы его любимая женщина ежедневно принимала дозу яда, разрушающую естественную природу ее организма?

Гормональные контрацептивы дают право именно на такую «любовь» и на такое «счастье»!

Страх забеременеть понуждает регулярно покупать в аптеке пачки таблеток, обогащая тем их производителей и распространителей. Только через этот страх женщина обрекает себя, в итоге, на бездетность, за которую будет расплачиваться одинокой старостью и букетом самых разных болезней.

Гормональные контрацептивы дают женщине право забыть, что есть другое право — право на достойную медицинскую помощь: ведь государственные деньги, которые тратятся на распространение ГК, хватило бы на то, чтобы сохранить жизнь и здоровье людей, действительно нуждающихся в полноценном и дорогостоящем лечении.

Все, без исключения, противозачаточные препараты дают право забыть о существовании государственного суверенитета, праве нации самостоятельно определять свою демографическую политику. Не кажется ли странным, что у кого-то за рубежом находятся большие деньги на то, чтобы нагло вмешиваться в личную жизнь русской женщины с одним

только желанием — помочь ей в создании искусственного бесплодия? И не кощунственно ли то, что кто-то, неведомый и алчный, заставляет миллионы женщин самих оплачивать свою скорую беду, свое неизбежное несчастье, когда они осознают, что они добровольно лишены величайшего Божьего дара — материнства?

У каждого человека есть право на информацию, на осознанный, аргументированный выбор. Это наша личностная свобода. Именно на это право и, прежде всего, на нашу личную свободу посягают фармацевтические компании, скрывая правду обо всех негативных последствиях применения гормональной контрацепции.

Миф десятый: *гормональная контрацепция — лучшее средство для профилактики беременности и абортов*

И в этом утверждении — чудовищная, циничная ложь!

В современной медицине возникло новое направление: беременность считают болезнью, которую нужно лечить и проводить ее профилактику, а вынашивание и прерывание беременности определяют как равноценный выбор.

Однако уже сам термин «профилактика беременности» раскрывает весь антигуманный замысел распространителей гормональных контрацептивов, направленный против человеческой жизни.

«КАК ИСКУПИТЬ ГРЕХ АБОРТА?»

Известно, что современная церковная практика не столь сурова к женщине, и уже длительные епитимии за убийство нерожденного ребенка, как то было раньше, не используются, хотя тяжесть этого греха, независимо от срока беременности, однозначно осуждается и как являлась, так и является тяжким преступлением против Бога и человеческой жизни.

Если же случается самопроизвольный выкидыш, происшедший по болезни или греховной неосторожности матери, например, как: поднятие тяжестей, бег или преступное нерадение о сохранении ребенка, — то святой Церковью полагается

совершение священнической «Молитвы жене, егда извержет младенца», которая, по своему смыслу, носит покаянный характер.

В последнее время в среде православных верующих получило широкое хождение так называемое «правило схимонахини Антонии» («Вымаливание, крещение и наречение имени убиенных детей во чреве матери»).

Правило, массово распространявшееся поначалу в нескольких версиях самиздатовским методом, при первом же знакомстве привлекает внимание некоторыми странностями и заблуждениями. Нам, например, сразу же сообщается, что одной пожилой монахине привиделась или приснилась некая женщина, которая дает ей не только совет духовного содержания, но и подкрепляет его неким молитвенным правилом. Святые отцы, как мы знаем, всегда рекомендовали крайне осторожно относиться к тому, что нам привиделось или приснилось, — и в этом случае святоотеческий совет вновь убедительно подтверждает, что верить различным видениям и снам крайне опасно.

В «правиле», во-первых, предлагается окрестить давно убиенного ребенка, причем вовсе не задаваясь вопросом: а как это сделать? Церковь, как известно, чин крещения, следуя всем канонам, совершает только над живым человеком — младенцев же, убиенных в утробе, к живым отнести

никоим образом не возможно, и поэтому они не могут быть окрещены. Однако распространители матушкиного учения, нарушая установленные в святой Церкви правила и каноны, предлагают данное якобы схимонахине свыше свое чинопоследование таких «крещений», которое иначе как кощунством, надругательством над таинством святого крещения назвать нельзя.

Во-вторых, в «правиле схимонахини Антонии» содержится несколько не просто спорных, а и весьма нелепых рекомендаций, таких, как, например, «заплатить за крещение младенца». Что это? Новый вид средневековой индульгенции? Родители не могут заплатить за него сами? Нет-нет, надо платить! А когда заплатишь и вычитаешь все, что положено, — а это 48 раз «Отче наш», 48 раз Иисусову молитву и по множеству ряд других, — то «правило» обещает, что «Матерь Божия выводит убиенного младенца из ада...» Ах, если бы все было так просто и пребывание во аде зависело бы только от формального исполнения правил! Да и кто однозначно решил, что младенцы, убиенные во чреве, находятся именно в аду: этому нигде нет подтверждения в Священном Писании. Мы не знаем точно, где они, убиенные младенцы. Если кто и нуждается точно в изведении из ада, то только не младенцы-мученики, а их родители-убийцы — матери и отцы абортированных детей.

Происходит страшная подмена понятий, когда вместо покаяния в тяжком смертном грехе предлагается «вымаливание младенцев», причем молитва начинается со слов: «Господи, помилуй чад моих, умерших во утробе моей...» Вдумайтесь! Не меня, грешную убийцу, помилуй, а чад моих, безвинных, — и разве это не кощунство?

И уж совсем сомнительны рекомендации «отдать пеленку, чепчик и крестик для бедных детей», что больше похоже на откровенное издевательство над бедными детьми, которым нужны продукты, лекарства, одежда, деньги, жилье, а не чепчик с пеленкой, купленные когда-то для утробного эмбриона. Выходит, слишком легкое «правило», выгодное. И разве не очевидно, что милостыня для бедных, как детей, так и взрослых, должна носить не символический, а весьма и весьма конкретный характер?

В «правиле» есть множество и других несуразностей и откровенных ляпов. В частности, как можно нарекать имя младенцу, пол которого неизвестен? Впрочем, и пол, и имя можно, наверное, теша и обманывая себя, придумать, но есть и более серьезные замечания.

Грех аборта сам по себе уже настолько тяжел, что перечеркивает жизнь человека пополам — «до» и «после». Его не возможно ничем и никак искупить. Если ты, к примеру, что-то украл, то можно вернуть украденное, и даже, если нельзя вернуть,

то можно совершить милостыню, превосходящую нанесенный ущерб. Можно помириться с тем, с кем поругался, можно попросить у него прощения. Ленивого можно научить работать, а пьяницу отучить на всю жизнь пить, и подобных примеров привести можно великое множество — но как и чем искупить этот страшный грех? Нет такого наказания, которое соответствовало бы абарту. Если муж отправил свою жену на аборт четыре раза, то нельзя же их убить четырежды! Даже если потом родить десятерых детей, то убитого, того самого, не вернешь уже никогда.

Поэтому епитимии, которые дают священники после аборта, носят скорее символический характер, чтобы возбудить в человеке покаянные чувства и сокрушение о содеянном. Конечно, можно потом дать жизнь множеству детей, можно завещать свою квартиру какой-нибудь многодетной семье, терпеливо переносить жизненные скорби, болезни и последствия абортов, но действительно покрыть этот грех не может ничто, кроме бесконечного милосердия Божия, и то только при условии искреннего покаяния и совершения таинства исповеди.

Но вот именно о покаянии «самиздатовское» правило не говорит ни слова, как ни разу не упоминается там и про исповедь! Что можно однозначно принимать только как хулу на таинство исповеди. Следуя логике распространителей матушкиного «правила», покаяния, принесенного на

таинстве исповеди, недостаточно, да и сама по себе исповедь, выходит, ущербна, раз предлагается некое самостийное дополнение в виде особого чинопоследования. Создается иллюзия: вычитай 48 раз молитву, сделай 40 поклонов, заплати сколько потребуется — и все в порядке: грех прощен. Предлагается полная противоположность истинному покаянию — слепой и бессмысленный ритуал, который своим магизмом уводит людей от настоящего покаяния. Поскольку источник этого «откровения» — явное обольщение, то люди, которые его распространяют и выполняют, сами приобщаются к состоянию бесовской прелести, со всеми вытекающими для души последствиями.

Да, сегодня действительно существует серьезная общероссийская и общецерковная проблема: в стране миллионы человек мучаются от страданий и угрызений совести о содеянном грехе. Люди готовы на что угодно, чтобы облегчить свою совесть, но нельзя так откровенно доводить проблему до примитивизма, сводя все к формальному исполнению сомнительных обрядов. Издатели снов схимонахини Антонии могли бы лучшим способом использовать потраченные на листовки средства и напечатать, например, плакаты против абортот. И как они не понимают, что издавать подобные листки, да еще и без благословения священноначалия, безусловно, крайне вредно и опасно для их души.

Ничего нового в проблеме абортот нет, они известны с древности. Если бы была необходимость в особом правиле или чинопоследовании для детоубийц, то оно было бы составлено еще во времена святого Василия Великого. Святые отцы оставили нам достаточно упоминаний об аборте, но у них шла речь об обличении греха детоубийства и, главное, — о покаянии.

Так что же делать тем, кому совесть не дает покоя? Как покаяться в грехе абортот? Во-первых, если человека мучает совесть, значит, она у него есть — это уже хорошо. Для покаяния существует исповедь — одно из семи важнейших церковных таинств. В первую очередь нужна исповедь и соответствующая епитимия, назначенная священником. Епитимия, как церковное наказание для исправления человека, даваемое священником, назначается в частном порядке, но полезно знать, что святая Церковь по древним канонам за аборт отлучала от причастия на 10 лет, наравне с убийцами. Сегодня это правило, конечно же, не применяется, но понимать, что аборт относится к одному из самых тяжких грехов, надо всем. Епитимия носит не искупительный, а дисциплинарный характер и сообразуется с духовным и телесным состоянием кающегося — и она всегда строго индивидуальна. Епитимия, данная одному, не может быть автоматически перенесена на всех. Имеет значение возраст, состояние здоровья, степень воцерковленно-

сти кающегося и многое другое, включая внешние обстоятельства.

Во-вторых, нужно помнить, что никакой «молитвы от аборта», автоматически снимающей грех, не существует. Даже чинопоследование из требника «Молитва жене, егда извержет младенца» относится только к тому случаю, когда выкидыш произошел невольно, по болезни, неосторожности (например, при поднятии тяжестей), но никоим образом не к искусственному прерыванию беременности. Аборт — всегда грех!

Но что еще возможно, кроме исповеди и епитимии, назначенной священником? Здравый смысл подсказывает, что те, кто избавлялся от детей, должны, принеся покаяние, их рожать: «жена... спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием» (1 Тим. 2.14-15). К сожалению, этот спасительный и наиболее верный путь для большинства кающихся уже невозможен по возрасту. Однако у тех, кто раскаивается в грехе детоубийства, иногда есть взрослые дети, которые должны перестать делать аборты. Хоть поздно, пусть даже во втором поколении, но прервется эта цепочка преемственности греха. Пожилые матери должны использовать все свое влияние, чтобы их дети не убивали, а рожали.

Обычно жизнь людей, погубивших младенцев в утробе, омрачается различными скорбями: одиночество, бездетность, семейные проблемы,

трудности с воспитанием детей, иногда их потеря, расстройство душевного и телесного здоровья, бедность и даже нищета. Часто человек не может избавиться от гнетущего чувства зря прожитой жизни. Все скорби могут рассматриваться как епитимия, очищающее наказание за грех, а через терпеливое перенесение этих необходимых скорбей, соединенное с покаянием и сокрушением сердца, приходит прощение.

Есть и еще один способ облегчить свою совесть. Ежедневно в России совершаются тысячи аборт, причем не где-то в отдаленном месте, а рядом с нами: на соседней улице, в соседнем доме, в ближнем подъезде. Многие из тех, кто идет в абортарий, делают это неосознанно. Кто-то по молодости, по глупости и по незнанию; кто-то под влиянием стечения сиюминутных обстоятельств, под внешним давлением или даже просто так, потому что посоветовала подруга или родственница. Часто в трудной ситуации рядом не оказывается человека, который бы мог помочь, сказав правду и объяснив, в чем дело. Порой так важно вовремя оказать моральную поддержку, а то, может быть, и материальную. И именно таким человеком можете стать вы. Не надо думать, что нужно многое. Часто бывает достаточно проявить любовь, объяснить и рассказать о возможных необратимых последствиях аборта, о том, что это — грех. Страшный грех. Иногда бывает достаточно подарить челове-

ку пачку пеленок, чтобы удержать от убийства своего ребенка. И дело не столько в стоимости самих пеленок, сколько в живом участии. Представьте себе, как мало нужно, чтобы спасти человеческую жизнь, и не только жизнь этого несчастного ребенка, но всех его будущих детей и внуков.

В послании святого апостола Иакова говорится: «Обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов» (Иак. 5.20). И еще: «Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?» (Притч. 24.11.) Очевидно, что тот, кто спасает ребенка от аборта, — спасает человеческую жизнь, а, значит, покрывает и свои грехи. Те, кто в прошлом совершал аборт, вполне могли бы оказывать материальную помощь тем, кто собирается сделать аборт, чтобы остановить их. Причем не формально, как рекомендует «правило схимонахини Антонии», а оказать конкретную и ощутимую помощь. Господь, видя покаяние и плод, достойный покаяния (Мф. 3.8), дела милосердия, спасительное терпение скорбей, силен помиловать любого кающегося грешника.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие редактора</i>	3
Библия и аборт	22
Аборт и «трудные случаи»	28
Закон об охране здоровья поощряет аборты.....	39
Пренатальная диагностика.....	46
Является ли эмбрион частью тела матери?	53
О некоторых этических сторонах так называемого «суррогатного материнства» и статусе эмбриона	58
Десять мифов о гормональной контрацепции	70
«Как искупить грех аборта?»	85

Духовно-просветительское издание

Священник Максим Обухов

О ГРЕХЕ АБОРТА

Сборник статей

Редактор – *А. Козырева*
Корректор – *И. Бабкина*
Верстка – *А. Буданова*
Оформление – *И. Соколов*

Подписано в печать 25.12.08. Формат 84х108/32. Бумага
офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04. Тираж 20000 экз.
Заказ 448

ООО «Артос-Медиа»
127015, г. Москва, Новодмитровская ул., д.5 А, стр.1
E-mail: artos_media@mail.ru

Отпечатано в типографии Патриаршего издательско-
полиграфического центра
141300, М.О., г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра.

